

Передольский Владимир Васильевич

По Енисею

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Васильевич П.**
По Енисею / Передольский Владимир Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
191 с.

ISBN 978-5-521-27568-7

ISBN 978-5-521-27568-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ тундрахъ нѣтъ зеленой сѣни,
Нѣтъ тамъ ночи, нѣтъ зари,
Лишь являются, какъ тѣни,
По утесамъ дикари.

„Дикари, скорѣй, толпою
„Съ горъ и скалъ на Енисей!
„Подружимтесь со мною:
„Я, какъ вы,—боюсь людей...“

(Сибирская пѣсня губернатора Степанова).

Рядъ очерковъ изъ быта енисейскихъ остяковъ, собранный въ настоящей книжкѣ,—обрисовываетъ страну и житье-бытье одного изъ инородческихъ племенъ Азіи, завершающаго свой жизненный путь и быстрыми шагами идущаго къ окончательному вымиранію.

Мнѣ три раза пришлось посѣтить страну енисейскихъ остяковъ въ 1894, 1895 и 1898 годахъ, пройти ее всю и пройти такъ, что забитый приниженный дикарь не боялся меня, не таился предо мной и, какъ ребенокъ, готовый идти на первую ласку,—повѣдалъ мнѣ свою горе-горькую долю. Всѣ три раза въ среду остяковъ я приходилъ совершенно одинъ, проплывая по Енисею въ небольшой лодкѣ со своими упряжными собаками. Торговлей я не занимался, водки съ собою не возилъ и не только ничѣмъ не могъ угрожать остякамъ, но наоборотъ часто самъ нуждался въ ихъ помощи, когда, напримѣръ, мокрый и окровавленный выбирался вплавъ со своими псами на берегъ, а разбитая о подводныя скалы моя лодка мчалась волнами по шири могучаго Енисея. Остяки радушно принимали меня съ моими четвероногими спутниками, обсушивали и отогрѣвали насъ, а затѣмъ помогали разыскать гдѣ-нибудь за десятки верстъ отъ мѣста кру-

шенія прибитую къ берегу лодку и, починивъ ее совмѣстнымъ трудомъ, провожали меня самыми сердечными пожеланіями въ дальнѣйшее плаваніе.

И такъ было не разъ и не два.

Могъ-ли казаться опаснымъ дикарямъ одинокій пришелецъ, жизнь котораго на ихъ глазахъ подвергалась неоднократно опасности?— конечно нѣтъ;— и это, послѣднее, довѣрчиво распахивало предо мной берестяныя двери юртъ и землянокъ, давая въ средѣ остяковъ, какъ равному, и кровь и радушную заботливость.

Всѣ очерки мои — это картины дѣйствительности; не измѣнены даже имена: и Савоська, и Яртегінъ, и Каяръ и Силка — все люди жившіе, страдавшіе, боровшіеся и изнемогавшіе въ борьбѣ на берегахъ далекаго Енисея въ тѣ годы, когда моя лодка проплывала по нему одну тысячу верстъ за другою, то подъ блескомъ незаходящаго солнца, то подъ фосфорическимъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія. Побывали въ этой лодкѣ у меня и Каяръ, и Силка, и старый Савоська и уже конечно Илѣкъ, неизмѣнный спутникъ мой на Енисеѣ; въ этой лодкѣ увезъ я съ собой и наслѣдіе послѣ несчастнаго Яртегіна: его пробитый бубень и лѣсѣлмы, добытыя съ большимъ трудомъ отъ алчнаго „батьки“,— и въ этой же лодкѣ написалъ я „Ландура“.

Сейчасъ же по приѣздѣ въ Красноярскъ „Ландура“ я напечаталъ въ газетѣ „Енисей“, а болѣе подробное изложеніе дѣяній того же лица передалъ губернатору и прокурору, возбуждая противъ Ландура уголовный процессъ въ истязаніи имъ инородцевъ.—Какъ шелъ процессъ — я не знаю: въ это время я былъ уже за тысячи верстъ отъ Енисея; но передъ отъѣздомъ моимъ всѣ официальныя лица, къ которымъ я обратился, особенно Енисейскій губернаторъ, М. А. Плещъ—обѣщали мнѣ, что будутъ приняты всѣ мѣры чтобы освободить Туруханскій край отъ Ландура. Черезъ полгода я узналъ, что силою Высочайшаго Повелѣнія свирѣпый Ландуръ дѣйствительно навсегда удаленъ изъ предѣловъ Туруханскаго края. Тотъ-же М. А. Плещъ обѣщалъ мнѣ непремѣнно сейчасъ-же помочь и ограбленнымъ Каяру и

Силкѣ, о которыхъ я ему рассказалъ; по наведеннымъ мною справкамъ оба они по приказанію губернатора получили запасы хлѣба изъ казеннаго продовольственнаго магазина въ области енисейской тундры.

Но все это, вѣдь, капли въ морѣ!

Положимъ, Кояръ и Силка оказались сытыми; положимъ, свирѣпый Ландуръ выброшенъ навсегда изъ Туруханскаго края; но, вѣдь, сотни другихъ сородичей Кояра и Силки голодаютъ и гибнутъ, но, вѣдь, на мѣсто одного свергнутаго Ландура, спустя нѣсколько времени, являются десятки другихъ! Какъ быть, какъ поступить!

Енисейскій остякъ жить безъ хлѣба теперь не можетъ, потому что у него нѣтъ оленей, а оленей нѣтъ у него потому, что ихъ выманилъ себѣ русскій торгошъ, спойвъ инородца водкой. Остякъ могъ бы получить пропитаніе изъ запасныхъ казенныхъ магазиновъ, но тотъ же торгошъ — въ лицѣ ли входящаго въ стачку съ вахтеромъ русскаго купца или въ лицѣ самого вахтера — поднимаетъ неимоверно продажную цѣну на хлѣбъ въ этихъ магазинахъ и, спаивая инородца, отбираетъ у него всю промысловую добычу, на которую остякъ могъ бы вымѣнять себѣ хлѣба.

— „А заправляющую всѣмъ водку, вѣдь, все-таки, нельзя запретить!“ — говоритъ А. Миддендорфъ¹⁾. Эту же фразу, какъ глумленіе надъ безсиліемъ русскихъ хорошихъ людей предъ угнетеніемъ остяка отбросами русскаго общества, мнѣ неоднократно приходилось выслушивать отъ русскихъ торгошей во время моихъ странствованій по берегамъ Енисея...

И водка царить!

Запрещенный закономъ алкоголь, широкой волной, какъ молчаливо терпимое беззаконіе, при посредствѣ русскихъ торгошей вливается въ среду остяковъ и создаетъ имъ тотъ удѣлъ, который за послѣднее время отмѣтили поэтическимъ терминомъ *угасанія*. Какъ слѣдуетъ назвать удѣлъ енисейскихъ остяковъ — спорить не будемъ: намъ важно не названіе, а самая сущность явленія, которая одинаково остается

¹⁾ Извѣстный путешественникъ по Сибири.

печальной, какъ бы мы ее ни назвали. Остякъ гибнетъ, и гибель его тяжелымъ упрекомъ ложится на русскаго и не только на того русскаго, который непосредственно гнететъ остяка на дальнихъ окраинахъ Азіи, но и на русскаго вообще, такъ какъ онъ, ограждая себя отъ вреднаго элемента въ своей средѣ, безжалостно отбрасываетъ таковой въ среду беззащитныхъ дикарей, нисколько не заботясь о томъ, каково то будетъ бороться дикарямъ съ этими, умудренными житейскимъ опытомъ, отбросами русскаго общества.

„Ты видѣлъ, какъ мы живемъ!“—говорили мнѣ дикари неоднократно,—„и какъ придешь въ тотъ городъ, гдѣ царь живетъ, такъ и Расскажи большимъ начальникамъ, какъ живутъ азіатцы... Можетъ и послушаютъ тебя... Помогутъ намъ...“—Своими статьями, судебными процессами и публичными сообщеніями я старался выполнить просьбу моихъ далекихъ друзей; выполняю я ее и настоящею книгою.

Просьбу то я выполнилъ, да будетъ-ли изъ того какой толкъ!

„Кто въ полѣ живъ человѣкъ?!... Отзовись!“

Владиміръ Передольскій.

Великій Новгородъ
1908 г.

ЕНИСЕЙ.

Далеко, за Саянскими горами, въ области дикихъ скалъ и безпредѣльныхъ равнинъ, беретъ свое начало одинъ изъ сибирскихъ исполиновъ — могучій, многоводный Енисей. Мощнымъ размахомъ мчатся его волны изъ-подъ жаркихъ лучей полуденнаго солнца къ далекому полуночному Ледовитому Океану. Какая сила сможетъ пріостановить ихъ стремленіе? — Онѣ сворачиваютъ скалы, дробятъ въ куски громадныя глыбы и, сокрушивъ препятствіе, мчатъ обломки его по дну съ собою, ударяя ими, какъ тараномъ, въ прибрежныя кряжи, и шумъ и грохотъ этой непрерывной борьбы волны съ берегомъ никогда не смолкаетъ на всемъ среднемъ теченіи Енисея.

Глядя на эту титаническую мощность напора воды, клубящейся среди высящихся по берегамъ громадныхъ скалъ,

видя ея всесокрушающую силу и быстроту, — вы никогда не повѣрите, что та же самая рѣка въ своихъ верховьяхъ широкою величавою лентою тихо струится по равнинамъ, орошая плодоносныя пашни полудикаго земледѣльческаго племени сойотовъ, съ незапамятныхъ временъ поселившихся на верховьяхъ Енисея. Различіе черезчуръ велико, и видѣвшій Енисей въ его среднемъ теченіи не можетъ себѣ представить, чтобы этотъ бушующій, всесокрушающій исполнѣть могъ гдѣ нибудь быть тихимъ и кроткимъ.

А между тѣмъ это такъ.

Пока Енисей въ своихъ верховьяхъ пробѣгаетъ по равнинамъ, его мощь еще не велика, притоковъ онъ принимаетъ мало, да и рыхлая, наносная почва русла здѣсь не представляетъ ему препятствій: промылъ онъ себѣ безъ большаго труда подходящее ложе и горделиво струить по нему свои прозрачныя воды. Но чѣмъ дальше катятся его воды, чѣмъ больше онѣ набираются силы отъ впадающихъ съ обѣихъ сторонъ ручейковъ и рѣченокъ, тѣмъ замѣтнѣе и замѣтнѣе мѣняется характеръ теченія Енисея. Берега его — покуда еще тѣ же невысокіе глинистые и песчаные кряжи, покрытые зарослями ивняка и лиственнаго лѣса. Но вотъ Енисей добѣжалъ до отроговъ Саяновъ. Массивныя горныя тѣснины мало-по-малу начинаютъ налагать свою мощную власть на его прежнюю привольную свободу. Хмурится и бурлитъ Енисей, чувствуя, что ему уже не раздвинуть такъ сплошныхъ каменистыхъ стѣнъ своего новаго ложа, какъ привыкъ онъ раньше подмывать по своему произволу податливые намывные берега. Хмурится, бурлитъ Енисей, но еще терпитъ; только его волны, нетерпѣливо вскидываясь на сдвигающіеся берега, торопливо спѣшатъ добраться до простора.

Но далекъ еще этотъ просторъ: много труда предстоитъ волнѣ, прежде чѣмъ она добѣжитъ до желаннаго раздолья.

Утесистыя скалы съ обѣихъ сторонъ грозно надвигаются на Енисей. Все выше и выше поднимаются къ небесамъ ихъ вершины. Суровымъ холодомъ и дикой красотой вѣтъ отъ каменистыхъ твердынь, обступающихъ рѣку. Непроходимая сибирская тайга шумитъ на ихъ вершинахъ и могучіе лѣсные великаны, — вѣковыя пихты и лиственницы, — тихо покачиваютъ верхушками, какъ бы порицая попытки нетерпѣливыхъ волнъ поколебать своими ударами ихъ незыблемое подножіе.

Наконецъ, Енисей—„входитъ въ щеки“.

Сдвинувшіяся сплошныя скалы чуть-ли не на половину суживаютъ его прежнее русло,—и стиснутая рѣка, покрытая вся водоворотами и бѣлою пѣной, со страшною силой прорывается сквозь препятствіе. Но худшее еще ждетъ ее впереди: Енисей подходитъ къ своему первому порогу. Стиснутая съ боковъ, мчащаяся съ неимовѣрной быстротою, kloкочущая и ревущая масса водъ наталкивается на каменистую гряду, пересѣкающую ея стремленіе,—и вотъ взбѣсившаяся рѣка вскидывается всей массою кверху, какъ взвившійся на дыбы, закусившій удила конь, и, хлынувъ впередъ, величавымъ, мощнымъ каскадомъ переливается черезъ новое препятствіе. Грохочетъ и плещетъ каскадъ, вздымая облака тончайшей водной пыли, все подножіе его клубится бѣлой пѣной, а крутящіяся волны мчатся уже далѣе: рѣка прорвалась чрезъ преграду. Осилившія преграду волны неудержимымъ потокомъ стремятся впередъ и вдругъ со страшною силой наталкиваются на утесы, одинокими глыбами выступающіе по срединѣ русла. Новая борьба,—новая побѣда, и Енисей, грохочущій и буйный, покрытый весь водоворотами и клочьями бѣлой пѣны, потрясающій скалы и сокрушающій преграды рвется среди утесовъ неудержимо впередъ и впередъ, пролагая свой путь чрезъ отроги Саяновъ.

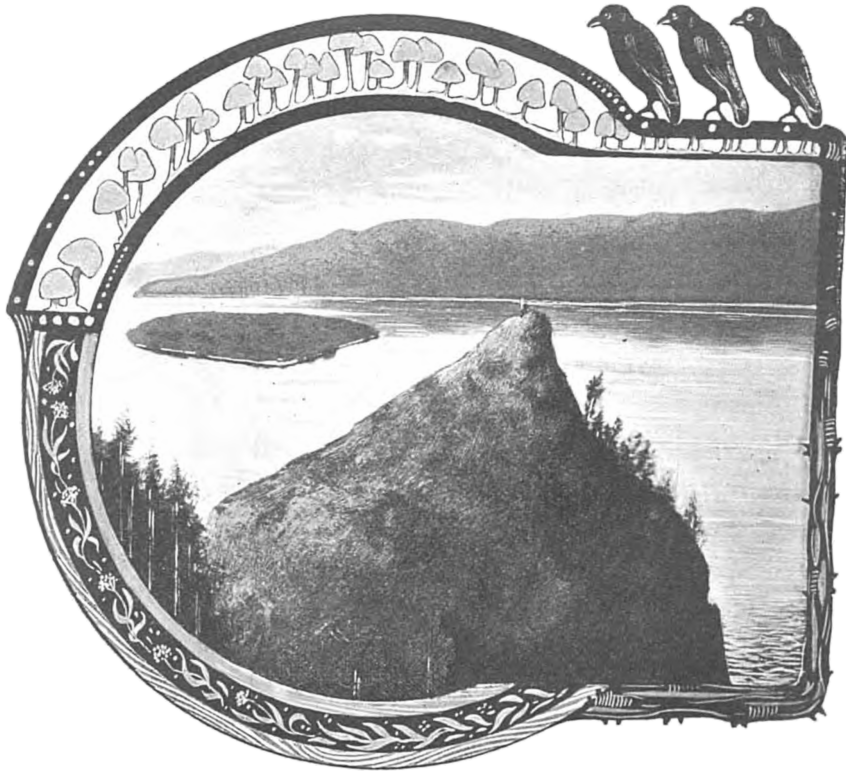
Таковъ Енисей въ Саянахъ...

Бѣшенымъ потокомъ мчался Енисей по горнымъ тѣснинамъ, но, миновавъ ихъ и вырвавшись на свободу въ долину, рѣка разливается широкимъ плесомъ и, умѣривъ быстрину, нагромождаетъ здѣсь горами принесенные обломки, создавая многочисленные острова. Нанесетъ затѣмъ водою и вѣтромъ на эти груды нагроможденныхъ камней, разнаго сору, песку и бурелому, прошелъ годъ, — и, глядишь, среди камней уже зеленѣетъ кое-гдѣ кустикъ, тянется кверху молодое деревцо. Не пройдетъ и десятка лѣтъ, какъ молодая поросль пышно разрастетъ въ деревья, и надъ гладкою поверхностью водъ будетъ выситься зеленѣющій букетъ густой заросли новаго острова.

Пробѣжавъ около 160 верстъ по равнинамъ своего верховья, а затѣмъ верстъ 360 по отрогамъ Саяновъ, — Енисей ненадолго входитъ въ область долинъ, лежащую между сѣверными отрогами Саянскихъ горъ и южными — Енисейскаго Станового хребта. Разсѣкая по продольному направленію весь этотъ хребетъ, Енисей на протяженіи всего своего средняго теченія, т. е. почти на девять градусовъ съ юга на сѣверъ, мчится съ прежнимъ характеромъ стремительнаго громаднаго горнаго потока, разливающагося широкимъ плесомъ въ долинахъ и бѣшено крутящагося въ ущельяхъ.

Обиліе водъ этой громадной рѣки настолько поразительно, что невольно обращаетъ на себя вниманіе даже въ верховьяхъ, гдѣ Енисей сравнительно далеко еще не такъ многоводенъ, какъ въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи. Уже съ самого мѣста сліянія двухъ его истоковъ: рѣки Хакема, берущаго начало на Хантайскомъ хребтѣ и — Бекема, сбѣгающаго со склоновъ хребта Ергикъ-Аргакъ-Тайга, на границѣ Монголіи, — общее русло этихъ рѣкъ въ говорѣ жи-

вущаго здѣсь племени сойотовъ носить названіе, — „Улу-кемъ“, что значитъ на ихъ языкѣ „Большая вода“, а русское названіе „Енисей“ — подѣ которымъ извѣстенъ Улу-кемъ съ границы русскихъ владѣній на югѣ Азіи,—есть исковерканное тунгузское выраженіе „Іоанеси“, также означающее

Среднее теченіе Енисея.

большую воду. Но гдѣ обиліе водъ Енисея достигаетъ дѣйствительно невѣроятныхъ размѣровъ; такъ это въ низовьяхъ.

Принявъ въ себя на своемъ среднемъ теченіи массу притоковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Ангара, по обилію водъ не уступаютъ самому Енисею, — этотъ сибирскій богатырь подходитъ къ своимъ низовьямъ.

Отроги Енисейскаго Станового хребта, пытавшіеся на всемъ среднемъ теченіи Енисея сдвинуть своими каменистыми твердынями его массы водъ,—подходя къ сѣверу, подъ 62-мъ градусомъ широты,—раздвигаются въ стороны, какъ бы сознавая бесполезность своихъ попытокъ.

И вотъ Енисей, могучій и не поборимый, какъ сказочный богатырь, только набирающій больше силы отъ борьбы съ препятствіями, разливается мощнымъ плесомъ на пятнадцать верстъ ширины. Берега его уходятъ въ туманную даль, исчезаетъ всякое представленіе о рѣкѣ,—и предъ вами колышется громадная водная равнина, усѣянная вся пышными букетами многочисленныхъ зеленѣющихъ острововъ: рѣка, наконецъ, миновала отроги Енисейскаго Станового хребта. Береговые края раздвинулись въ стороны; кажется ничто не стѣсняетъ приволья Енисея, и широкое плесо далеко, насколько можетъ хватить глазъ, простирается къ сѣверу.

Но далеко-ли можетъ хватить человѣческой глазъ? Широкое плесо—только временный отдыхъ для Енисея. Новую и послѣднюю преграду ставить берегъ могучей рѣкѣ: не пробѣжалъ Енисей по плесу и 70 верстъ, какъ уже передъ нимъ встаетъ новая твердыня—громадный Тунгузскій хребетъ, зубчатою высокою стѣною пересѣкающій поперекъ все его теченіе. Кажется, нѣтъ больше прохода рѣкѣ, громадная каменная стѣна закрыла ей путь, и невольно недоумѣваешь, куда же несетъ его сила теченія.

Памятна мнѣ эта картина...

Помню, плылъ я тогда на челнокѣ по Енисею. Тишина плеса обворожила меня. Солнце склонялось къ закату, и подъ его лучами далеко сіяла зеркальная поверхность водъ, дышащая ненарушимымъ спокойствіемъ: ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не проносилось надъ Енисеемъ. Я положилъ кормовое весло и предоставилъ челнокъ произволу рѣки.